

Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья

В археологической литературе широко распространены построения об угорской принадлежности создателей тех или иных памятников железного века и раннего средневековья Предуралья и Прикамья и, соответственно, о значительной роли угров в этнической истории данного региона, основанные исключительно на данных археологии. С точки зрения исследователя-историка кажется совершенно очевидным, что при отсутствии каких-либо письменных памятников с этой территории и при весьма сомнительной перспективе их обнаружения, эти построения не могут иметь доказательной базы, поскольку никакие археологические материалы за исключением письменных памятников не могут служить источником для определения языка оставившего их населения. Однако, как показывает опыт – в том числе, например, и представление доклада, по мотивам которого написана данная статья на XVII Уральском археологическом совещании в 2007 году в Екатеринбурге – для многих коллег-археологов это обстоятельство отнюдь не очевидно. Поэтому представляется необходимым сделать несколько предварительных замечаний, прежде всего – по поводу терминологии. Кому-то они, вероятно, покажутся тривиальными, но, видимо, состояние современной гуманитарной науки в целом, к сожалению, дошло до той точки, когда в научных публикациях приходится объяснять азбучные истины.

Термин *угры*¹, *угорские (языки, народы)* возник в XIX в.² для обозначения группы родственных языков и говорящих на этих языках народов: венгров, манси и хантов. Угорские языки в рамках финно-угорской группы образуют общность второго порядка и противопоставляются финно-пермским языкам. Единственным признаком, объединяющим эти три народа, является язык: ни в духовной или материальной культуре, ни в расовых типах этих народов невозможно выделить какой-либо комплекс черт, которые бы были общими для всех трёх и при этом отличали бы их от русских, удмуртов, татар и других. Совершенно аналогичный характер имеют термины *индоевропейцы*, *финно-угры*, *балты*, *германцы*, *самодийцы* и т. п.: всё это изначально суть лингвистические термины, созданные в лингвистике и никакого содержания, кроме лингвистического не имеющие. Следовательно, применение этих терминов в отношении того или иного древнего населения является утверждением о том, что эти люди говорили на языке, принадлежащем соответствующей группе или семье.

В принципе, на этом можно было бы и поставить точку. Однако, в исследовании этнической истории рассматриваемые здесь термины приобретают несколько иное звучание, что создаёт иллюзию наличия в них экстралингвистического значения. Природу этой иллюзии придётся здесь также обсудить.

Определяя группу языков как *родственные*, мы имплицитно предполагаем, что это родство обусловлено присутствием в данных языках базовых элементов и структур, восходящих в конечном счёте к какому-то реально существовавшему древнему языковому

¹ Изначально *угры* – название венгров в славянских языках (в украинском сохранилось по сей день, в русском заменено польским заимствованием *венгры*), восходящее к общеславянскому **ogŭr*, которое, в свою очередь, происходит от тюркского племенного названия *onogur* (сходство слов *угры* и *Югра*, таким образом, представляет собой чистую случайность). Из славянских языков это слово дважды было заимствовано в немецкий и др. европейские – в средневековье в форме типа лат. *(H)ungari*, нем. *Ungarn* ‘венгры’ и в XIX в. в виде рассматриваемого здесь научного термина: нем. *Ugrier* ‘угры’.

² По-видимому, окончательно своё современное значение он приобрёл в трудах Отто Доннера в 1870-1880-х гг., написанных на немецком языке (*Ugrier, ugrisch*). В более ранних работах, а нередко и вплоть до конца XIX в. (например, венг. *ugor* у Йожефа Буденца) он ещё мог обозначать иной набор языков и народов.

организму (относительно единому языку, массиву родственных контактирующих диалектов, нескольким родственным языкам с тесными ареально-генетическими связями и т. п.), который мы называем *праязыком*. Естественно, праязык в том или ином виде должен был выступать в роли родного языка и основного фактора самоидентификации для определённой этнической группы, которую принято называть *пранародом*. Языковое единство (хотя бы и относительное), необходимо должно было вести к интенсификации социально-культурных связей внутри пранарода (и, с другой стороны, оно отражало наличие таких связей), вследствие чего такая общность должна была обладать характерными особенностями культуры и в той или иной мере выраженным самосознанием, которое – в случае достаточно высокого уровня консолидации – могло быть выражено и в самоназвании. Следовательно, можно, как будто, говорить о германцах, индоевропейцах, уграх и т. д., имея в виду определённую этническую общность носителей праязыка.

Важно, однако, что после распада праязыковой общности бывшие социально-культурные связи между выделившимися из неё новыми коллективами прерываются, для каждого из них актуальными становятся новые «информационные поля», объединяющие его порой с совершенно чужими изначально группами, с которыми и происходит теперь обмен культурными достижениями. Общие черты культуры пранарода (равно как и, например, расовые особенности, заложенные в генотипе) наследуются общностями-потомками не обязательно параллельно с наследованием языка: механизмы передачи культурного (и генетического) наследия и языка различны³. Память о былом этническом единстве может сохраняться в течение многих столетий и время от времени актуализироваться во вторичных контактах и в этнополитических конструктах, но не препятствует возникновению резких культурных различий и границ⁴.

Следовательно, этническое содержание рассматриваемые термины могут в некоторой степени иметь лишь тогда, когда речь идёт о ещё сохранявшем единство пранароде, то есть корректно в этом смысле можно использовать только соответствующие слова с приставкой *пра-*: *праиндоевропейцы*, *прагерманцы*, *прафинно-угры* и т. п., имея в виду носителей соответствующего праязыка и связанного с ним культурного комплекса. Следует, правда, при этом иметь в виду, что, если праязык в определённых его аспектах (например, некоторая часть лексического состава) может быть с известной степенью надёжности реконструирован, то для реконструкции культуры пранарода главным является метод анализа праязыковой лексики, а других, не связанных с языком и языкознанием методов никому на сегодняшний день разработать не удалось⁵. Это означает, помимо

³ Типичный пример – так называемое «булгарское наследие» в Поволжье, в спорах о котором национально ангажированными деятелями бессмысленно сломано и ломается немало копий: «потомками» булгар в языковом отношении являются чуваша, не унаследовавшие, по-видимому, почти ничего из городской мусульманской культуры своих языковых «предков», а наследниками булгарской культуры являются казанские татары, в кыпчакском языке которых от булгарского осталось в лучшем случае пара десятков заимствований. При этом количество булгаризмов и вообще следов булгарского языкового влияния в нетюркском удмуртском языке, видимо, на порядок больше, чем в татарском.

⁴ Ср. идею славянского единства, дающую разнообразные плоды как в культуре, так и – в особенности – в идеологии и политике, но безусловно отступающую на задний план в условиях действия различных новых факторов (прежде всего – второго после языка этноформирующего комплекса, конфессионального).

⁵ Я считаю себя тем более вправе констатировать сей печальный факт, поскольку сам приложил в своё время немало усилий к реконструкции фрагментов мифологии уральского пранарода. Несмотря на то, что результаты таких реконструкций выглядят порой многообещающими, два обстоятельства остаются непоколебимы: во-первых, реконструируются фрагменты всё-таки не прауральской (в других случаях – праиндоевропейской, пратюркской и т. д.) культуры, а фрагмент древней культуры, который можно попытаться разместить во времени и пространстве, но едва ли возможно однозначно связывать с какой-то одной праязыковой общностью. Во-вторых, методы такой реконструкции (в отличие от методов реконструкции лингвистической) остаются довольно

прочего, и то, что наши представления о культурной специфике той или иной праязыковой общности дважды зависят от лингвистических штудий: поскольку мы выделяем эту общность по лингвистическому критерию и поскольку лингвистический материал лежит в основе наших реконструкций культуры этой общности. Поэтому «этнокультурное» содержание термина *прауральцы*, например, является как минимум дважды вторичным по отношению к его лингвистическому содержанию. После же распада праязыкового единства, когда речь идёт о группах отдельных народов, объединяемых только общностью истории их языков, рассматриваемые термины имеют исключительно лингвистический смысл.

В случае с уграми, впрочем, ситуация весьма интересна. Как уже сказано выше, теоретически допустимо, что степень этнической интеграции общности носителей того или иного праязыка может быть настолько высокой, что это найдёт отражение в самоназвании носителей праязыка. Возможно, это не столь уж редкий случай: во многих случаях такое развитие событий подтверждается историческими данными. Так, носители восточнославянского праязыка называли себя *русьские люди*, носители романского праязыка – *romani*, носители индоиранского праязыка, вероятно, использовали название *arya* если не в качестве эндоэтнонима, то по крайней мере как название социальной группы, игравшей ведущую роль в обществе. В ряде случаев нам удаётся реконструировать самоназвания носителей праязыков, о которых у нас нет непосредственных письменных свидетельств. Типичный случай такого рода – самоназвание носителей славянского праязыка **slověne*. С другой стороны, едва ли мы будем когда-либо знать, как называли себя (и называли ли вообще одним именем) носители германского, кельтского, пермского, прибалтийско-финского, тюркского⁶ и многих других праязыков.

Самоназвание носителей угорского праязыка реконструируется совершенно надёжно: **mańćz* (> венг. *mad-* в *magyar* ‘венгр’, манс. (С) *mańśi* ‘манси’, хант. (С) *mǝś* ‘мифический народ *Мось*, предки одноимённой фратрии в составе северных хантов’). Это свидетельствует о достаточно высоком уровне этнического самосознания праугров-манче, и, следовательно, говорит в пользу возможности поисков следов существования этой этнической общности в археологическом материале: в случае, если удастся доказать, что какие-то археологические памятники были созданы прауграми-манче, можно вполне корректно говорить об этнической принадлежности оставившего эти памятники населения. Обычно же, когда в археологической литературе пишут об «этнической принадлежности» населения, на самом деле речь идёт и может идти только о его языковой принадлежности, поскольку, как было сказано выше, для обозначения «этнических» общностей употребляются исключительно лингвистические термины. Однако, и в случае с прауграми-манче следует иметь в виду, что речь идёт не о некоей «чисто этнической» (не имеющей отношения к языку) общности, а прежде всего – об общности носителей определённого праугорского языка.

Если же речь идёт о времени, когда угорское праязыковое единство уже распалось (произошло это никак не позже середины I тыс. до н. э.), название *угры* означает только общность этнических групп, объединяемую исключительно родством их языков. Поэтому, употребляя в этноисторических построениях слово *угры* применительно ко времени конца I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. (то есть – к периоду заведомо после распада праугорского единства), исследователь независимо от его личных интенций должен понимать, что он пользуется лингвистическим термином, вынося, таким образом, суждение в первую очередь и только о языке древнего населения (относя этот язык к угорской группе)⁷. Следовательно, такая аттестация должна находиться в соответствии с лингвистическими данными.

субъективными и несамодостаточными: верификация результатов возможна только путём сопоставления их с результатами других (лингвистических, генетических, в какой-то мере, возможно, и археологических) исследований в рамках единой исторической модели.

⁶ Этноним **türk* не является самоназванием пратюрков и, по всей вероятности, не является словом тюркского праязыка.

⁷ Аналогичным образом правомерно употреблять, например, термин *славяне* как обозначение этнической группировки, говоря об общности носителей славянского праязыка (то есть,

В связи со сказанным, я предпочитаю воздерживаться от употребления слов *этнос*, *этнический*, говоря об интерпретации археологического материала, и говорю только о языковой проблематике. Призываю и коллег следовать этому осторожному принципу⁸. В самом деле, утверждение об идентичности создателей того или иного памятника, например, с прауграми-манче в этническом смысле подразумевает двойное допущение: мы не только берём на себя смелость утверждать, что эти люди говорили на угорском праязыке, но и предполагаем, как они себя на этом языке называли! И это – не имея ни единого реального (письменного) свидетельства! Ещё раз подчеркну: этническая принадлежность населения может находить выражение только в этнониме (внешнем или в самоназвании – не принципиально), и хорошо, когда мы (как в случае с прауграми, праславянами и др.) этот этноним знаем. Но такие термины⁹ как *угры*, *самодийцы*, *пермяне*, *индоевропейцы*, *германцы* и др. в строгом смысле слова этнонимами не являются (см. выше), следовательно их применение к древним создателям археологических памятников не может служить для установления их этнической принадлежности.

Я далёк от того, чтобы отрицать, что различия и сходства материальной культуры древнего населения, восстанавливаемые по археологическим памятникам, могут отражать древние языковые границы и общности. Однако, прямой связи между этими явлениями быть не может. Как показывает опыт, полагаться в этом вопросе на так называемые археологические «этнизирующие признаки» совершенно невозможно даже в случае, когда мы имеем дело с огромными по объёму материалами очень богатых культур. На самом деле, едва ли когда-нибудь стало бы возможным с уверенностью говорить о языковой дихотомии «западного» и «восточного» гальштатта, если бы у нас не было памятников палеобалканских языков; никто не осмеливался и думать об индоевропейском языке хеттов до открытия Бедржиха Грозного; когда Майкл Вентрис прочитал микенские таблички линейного письма В по-гречески, это стало настоящим шоком для большинства исследователей. И это – не единичные примеры, а отражение правила.

Весьма показательным является пример, связанный с расшифровкой в 20-50-х гг. XX в. иберской письменности и началом чтения кельтиберских надписей античной Испании. Ещё в начале XX в. присутствие кельтов негалльского происхождения на Пиренейском полуострове практически отрицалось, поскольку распространение кельтской речи однозначно связывали с латенской археологической культурой, которая в Испании и Португалии почти не представлена. Никакие свидетельства античных авторов и ономастики при этом не считались достаточными по сравнению с отсутствием пресловутых «этнизирующих признаков». Сравните с этим реальную картину распространения кельтской речи на полуострове во II в. до н. э. в соответствии с современными данными, которую можно видеть на рис. 1.

о *праславянах*) первых веков нашей эры. После же распада славянского единства, с началом славяно-аварского завоевания Балкан в VI в., термин *славяне* постепенно приобретает уже сугубо лингвистический смысл.

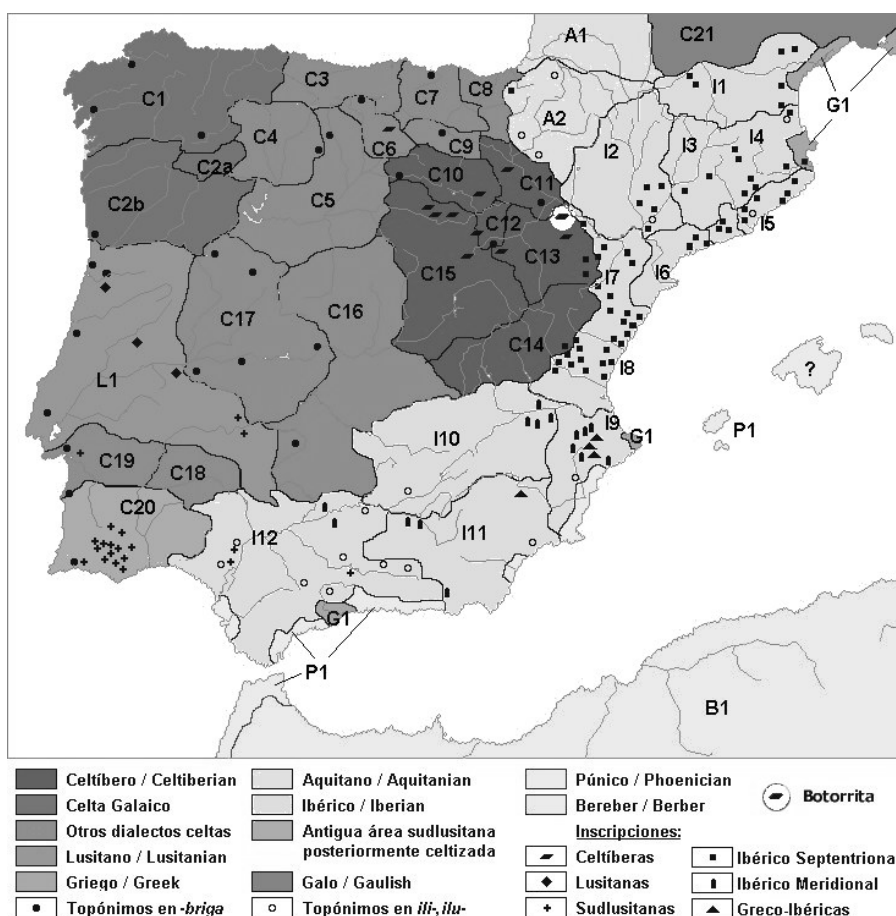
⁸ В связи с этим не могу не упомянуть о том, что при обсуждении данного доклада на XVII Уральском археологическом совещании в высказываниях нескольких коллег прозвучало мнение о том, что “мы и не говорим о языке древнего населения, мы ведём речь только об этнической его принадлежности” (за точность цитаты не ручаюсь, но эта мысль была высказана как минимум дважды). К сожалению, недостаток времени, отведённого для дискуссии, не позволил мне зафиксировать это обстоятельство: если, произнося слово “угры” коллеги допускают, что называемые ими так люди говорили, например, на иранском языке, то я готов снять все мои возражения и инвективы в их адрес. Боюсь только, что даже авторы цитируемого высказывания оценили бы такое допущение как полную нелепость, а моё предложение, соответствующим образом, как издевательство: на самом-то деле исключительно лингвистический характер термина подспудно понятен и им.

⁹ Я имею в виду именно научные термины, а не слова соответствующих языков, от которых они происходят (украинское *угри* ‘венгры’, естественно, является этнонимом).

В 1970 г. при раскопках в городе Боторрита в 18 км юго-западнее Сарагосы испанский археолог Антонио Бельтран нашёл бронзовую табличку размером 40×10 см, написанную иберским письмом (рис. 2). Этот документ был воспринят как иберский не только в силу происхождения письменности, которой он был написан, но и потому, что Боторрита раскапывалась как неизвестный иберский город, сожжённый в период римских гражданских войн в сер. I в. до н. э., на что указывали чисто иберские жилища, украшения, предметы быта и, конечно же, керамика. Через несколько лет были опубликованы прочтения текста таблички, и стало ясно, что написана она целиком по-кельтиберски и на сегодняшний день является крупнейшим и интереснейшим памятником этого языка [Товар 1975]. Это, однако, ничуть не поколебало уверенности археологов в иберской языковой принадлежности населения античного города.

Рис. 1. Дороманские языки Пиренейского полуострова

(режим доступа: http://es.wikipedia.org/wiki/Imagen:Prehispanic_languages.gif¹⁰).

Подробная легенда дана под картой.

Ареал неиндоевропейских языков: иберского (литера I) и аквитанского (литера A), а также берберских и финикийского показан более светлым цветом.

Ареал индоевропейских: кельтиберского и других кельтских (литера C), лузитанского (литера L), а также греческого – более тёмным.

Светлым кружком со значком кельтиберской надписи обозначена Боторрита.

В 1979 была найдена вторая табличка из Боторриты, написанная уже на лытыни. Текст представляет собой решение судебной коллегии города Contrebia Belaisca по поводу земельного спора. Таким образом, идентификация современной Боторриты с античным кельтиберским городом Contrebia Belaisca, предполагавшаяся ранее лингвистами и историками, получила подтверждение. Замечательно, что все имена членов коллегии, включая названия их родовых групп – исключительно кельтиберские. На сегодня известно ещё две таблички из Боторриты, написанные по-кельтиберски, и не подлежит сомнению, что в этом кельтиберском городе жили кельтиберы, говорившие по-кельтиберски, однако некоторые археологи продолжают настаивать на иберской версии (по-русски история

¹⁰ Использование материалов Википедии в данном случае вполне корректно, поскольку данная карта отражает действительные современные научные представления.

боторритских открытий и недоразумений изложена в [Калыгин, Королёв 2006: 59-60, 252-253]).

К сожалению, у нас нет надежды найти в Предуралье письменные памятники тысячелетнего возраста. Но, может быть, стоит всё-таки задуматься и не строить основанных исключительно на вере в этноисторическую самодостаточность археологического материала скоропалительных гипотез, лишая, возможно, тем самым истории целые древние народы и создавая препятствия реальному исследованию этнической истории региона? Установление связи между археологическими памятниками и той или иной языковой общностью во многих случаях возможно, но оно не может базироваться на простом перечислении произвольно определяемых «этнизующих признаков» и отрицании очевидных фактов, полученных независимыми и проверенными вековой практикой методами наук, лежащих за пределами понимания того или иного исследователя.

Обратимся теперь к проблеме древнего присутствия угров в Предуралье. Предположение о массовом участии угорского населения в формировании культур Прикамья и Предуралья I тыс. н. э., создатели которых так или иначе вошли затем в состав пермских народов находится в разительном противоречии с данными языкознания. Наблюдаемая на самом деле картина взаимоотношений пермских и угорских языков и культур практически не позволяет говорить о каком-либо угорском (будь то праугорское, древневенгерское, обско-угорское или древнемансийское) влиянии на пермян: выявленные на сегодняшний день обскоугорские заимствования в коми языке весьма немногочисленны (чуть более двух десятков, учитывая очень локальные диалектизмы), и лишь единицы их присутствуют в большинстве коми диалектов [Rédei 1964]. В удмуртском языке обскоугорских заимствований обнаружить не удаётся вообще (об угорско-пермских параллелях более древнего уровня и ономастическом материале см. ниже). Это означает, что южная часть пермян, языковые предки удмуртов, никогда (ни на прапермском, ни на более позднем уровне) не вступали в контакт с обскими уграми – либо контакт этот не имел исторически релевантного значения для их языка и культуры. Естественно, абсолютизировать данный вывод не стоит – нельзя исключать, что хотя бы какие-то из сепаратных пермско-(обско)угорских лексических параллелей могут быть в будущем переинтерпретированы не как общее прафинно-угорское наследие, а как заимствования в прапермский, но на современном уровне развития языкознания никаких оснований предполагать обскоугорское влияние в общепермском или удмуртском языке не существует.

С другой стороны, совершенно очевидны следы мощнейшего пермского влияния в обскоугорских языках, проникшего во все слои лексики и все диалекты обоих языков, при этом многие пермизмы попали и в хантыйский, и в мансийский языки. Значительное количество заимствований охватывает все диалекты обскоугорских языков, в том числе – южные мансийские и восточные хантыйские. В целом пермизмы в обскоугорских языках представлены следующим образом: в мансийском языке всего 338 пермских заимствований, их них во всех диалектные группы проникли 38 (при этом в северномансийских диалектах всего 288, в восточномансийских – 142, в западномансийских – 137, в южномансийских – 47 пермизмов); в хантыйском языке всего 469 пермских заимствований, их них во всех диалектные группы проникли 75 (при этом в севернохантыйских диалектах всего 295, в южнохантыйских – 185, в восточнохантыйских – 122 пермизма)¹¹ (здесь и далее, если нет особых ссылок, используются материалы классических работ [Toivonen 1956; Rédei 1970]).

Естественно, большинство пермизмов представлено в северных обскоугорских диалектах, и отражают они относительно позднее, русского времени влияние коми на обских угров (сюда относятся, например, христианские и связанные с культурой нового времени и

¹¹ Естественно, цифры условны, они базируются на работах Ю. Тойвонена и К. Редеи, которые сегодня безусловно могут быть изрядно дополнены. Однако, корректировки могут быть только в сторону увеличения объёма пермизмов, и не подлежит сомнению, что общее их распределение по обскоугорским диалектам здесь отражено верно.

административным управлением термины типа ‘крест’, ‘книга, бумага’, ‘подать’, ‘тамга’, ‘пай’, ‘корова’, ‘свинья’, ‘печь’, ‘замок’ и т. д.). Однако, даже приведённые здесь чисто количественные и ареальные показатели едва ли позволяют ограничивать пермское влияние на обскоугорские языки исключительно русским временем. В ряде случаев следует предполагать достаточно раннее время или нетривиальный (не собственно коми) источник заимствования.

В частности, среди пермизмов имеются ключевые религиозно-мифологические термины мансийской и хантыйской традиции, которые едва ли являются продуктом позднейшей эволюции периода русской колонизации Сибири. Сюда, например, можно отнести термины медвежьего культа в хантыйском языке – табуированные названия самого ‘медведя’ (← коми *majbir* ‘счастливый’, ср. значение в к.-язв. ‘большой и сильный’, которое скорее лежит в основе хантыйского слова) и частей его тела: ‘шерсть медведя’ (← коми *gen*), ‘спина медведя’ (← коми *śur* ‘хребет’), ‘жир на спине и кишках медведя’ (← коми *vir-jaj* ‘плоть’) и др., использовавшиеся во время медвежьего праздника вместо нормальных хантыйских слов для того, чтобы отвести гнев духа медведя на иноплеменников (заметим, что в этой роли мыслились не русские и татары, а коми).

Неучтённый в работах Ю. Тойвонена и К. Редеева важный религиозный термин манс. (С) *jir* (С, З, В)¹² [Munkácsi, Kálmán 1986: 158] ~ хант. (Каз.) *j̄ir* (С, В, Ю) [DEWOS: 399-400] ‘кровавая жертва’ происходит, видимо, от ППерм. **jür* ‘голова’ (> коми *jur* ~ удм. *j̄ir*), причём в обскоугорских языках отражена скорее прапермская фонетика и значение, незафиксированное в коми языке, но весьма органичное для удмуртской народной религии: удм. *j̄ir-p̄j̄id šoton* ‘вид поминальной жертвы’; букв. ‘давание головы и ног’.

Интересную судьбу имеет ППерм. **ort* ‘духовная сущность, обеспечивающая нормальную жизнь человека, животного, функционирование предмета’ > удм. *urt* ‘тж’ ~ коми *ort* ‘душа-двойник, показывающаяся человеку перед смертью’: оно, видимо, было дважды заимствовано в обскоугорские языки. Более поздним заимствованием является хант. (Каз.) *vurt* ‘дух умершего, привидение’ (С, В, Ю) ~ манс. (С) *ūrt* (С, З, В) ‘крылатый дух, предсказывающий криком смерть человека’ – семантика обскоугорских слов практически совпадает с коми, но фонетика отражает скорее пермскую праформу типа **urt*, а не коми *ort*. В плане определения пермского источника как отличного от близкого к современному коми ср. ещё хант. (Ю) *χ̄ataj-ūr-wojə* ‘летучая мышь’ (букв. ‘мертвого *урта* зверь’) [DEWOS: 179], не имеющее, кажется, параллелей в коми языке, но точно соответствующее удм. *urtkič* ‘летучая мышь’ (этимологически означало букв. ‘орёл / птица *урта*’). Более ранним заимствованием этого же понятия из пермского источника является хант. (Каз.) *wort* (С, В, Ю) ‘богатырь, эпический герой, князь; дух-охранитель, хозяин местности; начальник, старшина’ (манс. (С) *ūrt* ‘князь’ заимствовано в свою очередь из хантыйского) [DEWOS: 177-179; UEW: 18; Toivonen 1956: 13]. Здесь, судя по вокализму, можно предполагать праформу **ort* или даже **art*, но при этом семантика отражает уже не значение ‘дух, привидение’ и т. д., которое развилось в позднейшем коми языке, а сложную концепцию духовной сущности, обеспечивающей «норму», духа-покровителя, восходящую в конечном счёте к понятию ‘закон, правда, истина’, которое имел арийский источник прапермского слова (авест. *aša*, др.-инд. *ṛta*) (об арийских истоках этого слова и понятия и о его эволюции в пермском см. [Напольских 1997]).

Из пермского источника заимствованы имена по крайней мере двух важнейших персонажей обскоугорской «высокой» мифологии. Во-первых, это название духа-хозяина нижнего мира: манс. (С) *kul* (С, З, В) ~ хант. (Об.) *kul* (С, Ю) ‘злой дух, дьявол’ ← коми *kul* ‘тж’, удм. *kił* ‘заразная болезнь’. Во-вторых, это имя богини-покровительницы деторождения, определяющей срок человеческой жизни, жены небесного бога и матери бога-

¹² Для краткости приводится как правило одна мансийская и одна хантыйская форма и указываются диалектные группы, где данное слово представлено.

покровителя людского рода хант. (Сыня) *kältaš-aŋki* (С) ~ манс. (С) *kaltès-ēkwa* (С, З), которое является частичной калькой с имени пермского божества плодородия, сохранившегося в удмуртской традиции как *kildišin* < *kildiš* – имя деятеля или активное причастие настоящего времени от основы *kild-* ‘творить(ся), быть предопределённым судьбой’ (эта часть пермского теонима была полностью заимствована в обскоугорские языки + **en* (ср. удм. *añi* ‘бабка (укладка снопов)’ ~ коми *añ* ‘(взрослая, почтенная) женщина’, *eñ(ka)* ‘свекровь’) – эта часть композита была переведена хантыйским *aŋki*, (Шеркалы) *ĩmә* и мансийским *ēkwa* ‘(почтенная) женщина, старшая родственница, мать, бабушка’. В коми языке рассматриваемый здесь пермский теоним никаких реликтов не имеет (за исключением, может быть, весьма отдалённого *kiltes-pas* / *kildas-pas* ‘родимое пятно’), следовательно, заимствование должно быть определено как достаточно старое.

Имеются и другие заимствования, указывающие на пермский источник, отличный от собственно коми языка. Например, манс. (С) *solwəl* ‘соль’ ~ хант. (Каз.) *сӧл* (С, В, Ю) ‘соль’ скорее фонетически связано не с коми *sov* (*sol-*), а с удм. *šjal* ‘соль’. Интересно название ‘моря’ в обскоугорских языках: хант. (Каз.) *šr̄āš* (С, В, Ю) ~ манс. (С) *šāriš* (С, В, З) ‘море; открытое большое болото’. Это слово явно заимствовано из пермского (в пермском – из арийского), причём древняя специфика значения коми слова в обскоугорских языках не нашла отражения: коми *sariž* ‘тёплые страны, куда летят птицы; море’ ~ удм. *zarež* ‘море’. Поскольку другие обозначения ‘моря’ в обскоугорских диалектах либо заимствованы из русского, либо обозначают изначально ‘Обь’ и ‘низовья реки’ [Munkácsi, Kálmán: 51, 275, 313], а венгерское *tenger* ‘море’ заимствовано из тюркских, ясно, что праугры едва ли имели какое-либо представление о море, и можно высказать предположение, что обские угры проникли на север, в районы близкие к Северному Ледовитому океану позже пермян, из языка которых они и заимствовали основное обозначение этого нового для них географического объекта. Следовательно, и ранние контакты между пермянами и обскими уграми нужно локализовать не на западе, в Приуралье, а на севере, в низовьях Оби (ср. преимущественное распространение пермизмов именно в северных диалектах обскоугорских языков). Это предположение согласуется с гипотезой об ассимиляции в XIV-XVI вв. обскими уграми, пришедшими с юга, и частично пермянами, проникавшими в низовья Оби с XI в., населения неизвестной языковой принадлежности, аборигенов крайнего северо-запада Западной Сибири, известных в русских источниках под именем *Югра* [Напольских 2005].

Весьма показательны в плане культурной и этнической истории названия многих металлов в обскоугорских языках: манс. (С) *jēmṭən* (С, З, В) ‘сталь’ ← коми *jemdon* ~ удм. *andan* ‘сталь’ (← иран.: осет. *aendon*); манс. (С) *aryèn* (С, З, В) ‘медь’ ← коми *irgen* ~ удм. *irgon* ‘медь’ (← иран.: осет. *aerx_oy*); манс. (С) *sorñi*, (С, З, В) ~ хант. (Каз.) *сӧрӧӧ* (С, В, Ю) ‘золото’ ← коми, удм. *zarñi* ‘золото’ (← иран.: осет. *zærīn*). Обратим внимание на иранский (достаточно поздний, скорее всего – средневековый, близкий к аланскому) источник всех трёх слов.

В обскоугорском фольклоре при описании драгоценных предметов и сказочных персонажей постоянно встречаются парные эпитеты типа манс. (С) *šopèr*-СЕРЕБРО, *kami*-СЕРЕБРО [Munkácsi, Kálmán 1986: 189, 600] (вероятно, заимствовано из хантыйского) ~ хант. (Каз.) *šõpər*-МЕТАЛЛ, *kami*-МЕТАЛЛ, (Тром.) *ʃapər*-МЕТАЛЛ, *kám*-МЕТАЛЛ [DEWOS: 632-633, 1528-1530]. Значение слов **šapər* и **kám* в этих конструкциях неясны. Помимо металлов эти эпитеты могли применяться к различным территориям, героям и т. д., и В. Штайниц полагал, что первоначально это были имена собственные [DEWOS: 633, 1529]. В текстах медвежьей церемонии эти эпитеты употребляются так же как названия иноплеменников, именем которых прикрываются убивающие медведя участники праздника [DEWOS: 632]. Таким образом, не исключено, что перед нами какие-то старые этниконны, и наиболее очевидными их прототипами кажутся *Сибирь* (Сибирское ханство – здесь, впрочем, есть альтернативные этимологии и сложности) и *Кама*. В названиях металлов эти эпитеты могут отражать два основных источника поступления изделий из драгоценных металлов к

обским уграм. При этом важно, что, при принятии этой гипотезы, *Кама*, как и *Сибирь* была в глазах обских угров чужой территорией с иноплеменным населением.

Ещё два названия металлов позволяют перейти к рассмотрению вопроса о более ранних пермско-угорских взаимоотношениях. Во-первых, это название ‘свинца’ и ‘олова’: манс. (С) *ātweś* (С, З, В, Ю) ‘свинец’ (< **āθ-wes*) ~ коми *ozjś*, удм. *uzveś* ‘свинец, олово’ (< **os-veś*). По-видимому, эти слова являются общей инновацией в мансийском и прапермском языках и восходят к какому-то композиту типа **ōs-wes* ‘светло-серый металл’ (ср. венг. *ősz* ‘седой’) или **ās-wes* ‘закаливающий / легирующий металл’ (ср. обскоугорское **āt-* ‘закаливать’ > манс. (Конда) *āt-*, хант. (В) *āt-* и др. [Honti 1982: 130]). По фонетическим критериям заимствование из мансийского в прапермский едва ли возможно, а обратное – не исключено (хотя скорее речь должна идти о параллельном развитии в родственных языках в рамках единого культурного ареала); следовательно и на этом, более раннем хронологическом срезе не приходится говорить об обскоугорском влиянии на пермский.

Второе слово – название ‘серебра’ – объединяет пермские языки уже не с обскоугорскими, а с венгерским: венг. *ezüst* ‘серебро’ ~ коми *ezjś*, удм. *azveś* ‘серебро’. Поскольку в пермском слове видят старый композит, подобный рассмотренному выше названию ‘свинца’ и ‘олова’, венгерское слово квалифицируется как пермское заимствование [Rédei 1969]. Для проблематики данной статьи этого было бы достаточно, но всё-таки следует заметить, что ряд обстоятельств, для рассмотрения которых необходимо написание отдельной работы, указывает на то, что и пермское и венгерское слово следует скорее считать независимыми заимствованиями из аланского **ävvest* (*ä*) > осет. *ævzist* / *ævzestæ* ‘серебро’.

Вообще, пермские языки обнаруживают с угорскими, точнее в основном – с венгерским некоторое количество общих инноваций в фонетике и морфологии: деназализация (развитие типа **-NT-* > *-D-*), появление звонких смычных в начале слова, инфинитив на *-ni* (в пермском) ~ *-ni* (в венгерском), выработка сходных «застывших» форм глагола ‘быть’: удм. *vañ* ~ венг. *van* ‘есть, имеется’ (ср. ф. *on*), удм. *val* ~ венг. *vala* ‘было’ (ср. ф. *oli*) и др. Хотя некоторые из этих инноваций интерпретируются как случайные результаты параллельного развития, многие из них едва ли могут быть объяснены иначе, нежели результат древних контактов (ареально-генетических связей в терминологии Е. А. Хелимского) между пермским и угорским праязыками, и среди праугорских диалектов наиболее тесные связи с пермским имелись именно у довенгерского [Rédei 1969: 326-332; Хелимский 1982: 19-20]. Кроме того, имеется и изрядное количество сепаратных лексических сходений, которые, однако, трудно интерпретировать как заимствования. Из трёх слов, которые К. Редее считал возможным рассматривать именно как заимствования, как следы контактов прапермского с правенгерским, одно (‘серебро’) рассмотрено выше и является скорее всего сепаратным заимствованием из иранского. Два же других слова безусловно свидетельствуют о заимствовании из прапермского (точнее, из южных, доудмуртских его диалектов) в правенгерский: венг. *küszöb* ‘порог’ ← удм. *es kusjip* ‘порог’, букв. ‘дверной промежуток / дверная связка’ (в удмуртском слово *kusjip* имеет более широкое значение, значение ‘порог’ появляется лишь в данном контексте); венг. *kenyér* ‘хлеб’ ← удм. *keñjir*, (Каз.) *keñer* ‘крупа’ ~ коми *keñemu* ‘земля (*tu*) для посева’ (*-ny-* в венгерском указывает на источник, близкий фонетически скорее к позднему удмуртскому *keñjir*, в пермском значение слова опять-таки более общее).

Таким образом, нет лингвистических фактов, на основании которых можно было бы говорить о сколько-нибудь заметном субстратном, контактном или суперстратном влиянии угорских языков на пермские ни на праугорском, ни на обскоугорском, ни на правенгерском уровне. С другой стороны очевидно, что пермские языки оказывали влияние как на правенгерский, так и, в особенности, на обскоугорские языки.

Аналогичным образом нет никаких оснований предполагать былое пребывание угорского населения к западу от Урала и на основании данных ономастики. Исключением

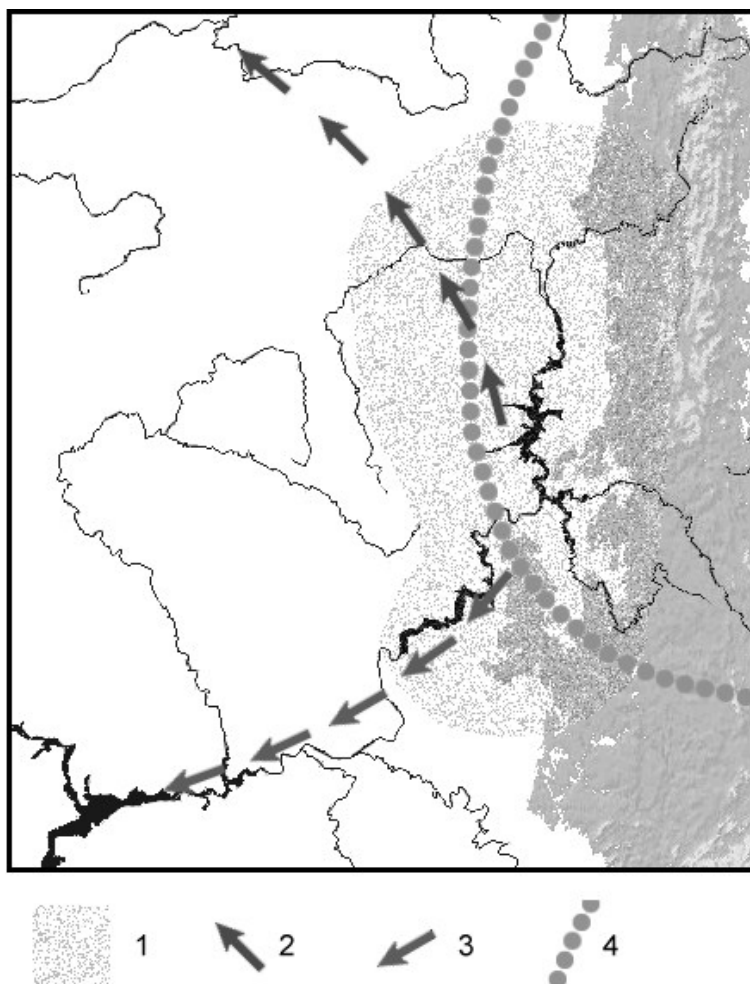
являются хорошо известные по историческим документам районы обитания манси в XVI-XVIII вв. в восточной половине современного Пермского края (западной границей их расселения была, по-видимому, Кама в её среднем течении и Печора – в верхнем) и опять-таки отражённые в письменных источниках (сообщение брата Иоанна) и венгерской средневековой псевдоисторической традиции вероятные следы пути венгров с их западносибирской прародины через южное Предуралье, Башкирию, нижнее Прикамье и среднее Поволжье на запад [Матвеев 1961; 1968; 1982]. Здесь не имеет смысла подробно разбирать «гипотезы» разных авторов об «угорской» или, того краше, «угро-самодийской» топонимии Восточной Европы – этот разбор проведён мною давно и трижды опубликован [Напольских 2001; 2002; Napol'skich 2002]. Дальнейшая дискуссия на эту тему совершенно лишена смысла: все такого рода сочинения являются иногда добросовестными заблуждениями, а в 80% случаев – плодом исключительного невежества и дикости (последнее в особенности относится к писаниям современных авторов). Что касается этнонимии, то наличие в составе центральных удмуртов родовых групп с названиями Эгра (< ППерм. *jōgra) и Пурга (< *porga), которые всё в тех же малограмотных сочинениях связываются с обскими уграми, во-первых, не может иметь отношения к обским уграм (и к прауграм, и к уграм вообще), поскольку оба этнонима могут быть связаны только с названиями доугорского аборигенного населения северо-запада Западной Сибири; во-вторых – даже в случае их сибирских в конечном счёте истоков – они являются результатом поздних миграций в пермской среде, и вопрос об их происхождении не требует привлечения обскоугорских материалов [Напольских 2005: 21-25].

К сожалению, топонимия Прикамья и среднего Поволжья практически не изучена. Почти все, что продуцируют местные авторы, позиционирующие себя в этой сфере, настолько плохо, что только запутывает дело и никак не может быть использовано в палеоисторических штудиях. Однако, по окраинам региона идут зоны, охваченные нормальными топонимическими исследованиями (Урал, Русский Север, Центр Европейской России). Частично к одной из этих территорий примыкает и бассейн Камы. При уже отмеченном отсутствии здесь древней угорской топонимии, в среднем и верхнем Прикамье, на территории по крайней мере от бассейна Тулвы на юге и по крайней мере до Чердыни (бассейн Колвы) на севере наличествует пласт гидронимов на *-ва*, которые по всей вероятности являются пермскими по происхождению [Матвеев 1961]. По-видимому, это – единственный топонимический ареал, который может претендовать на роль прапермского. Ещё один ареал гидронимии архаичного пермского облика – область речных названий на *-юг*, находящаяся на северо-западе Кировской, востоке Вологодской и Костромской и крайнем юге Архангельской областей, но здесь речь идёт скорее о каком-то особом пермском (прапермском – ?) диалекте, который не был полностью охвачен важнейшей общепермской инновацией – отпадением ауслатных смычных (допермское *juka > ранее ППерм. *juk / *juу (эта форма отражена в гидронимах на *-юг*) > ППерм. *ju > коми ju ‘река’) и который я бы сегодня предпочёл называть скорее *парапермским*.

Примерное соотношение ареалов пермской и мансийской субстратной топонимии в Прикамье показано на карте (рис. 2). Ареал гидронимов на *-ва* в значительной степени совпадает с прапермским экологическим ареалом и, таким образом, по-видимому маркирует район поздней пермской прародины в среднем Прикамье [Белых 1999]. Распад прапермской общности был связан с возникновением в среднем Поволжье первого государства, Волжской Булгарии и с соответствующим движением части пермян, предков удмуртов на юг, в пределы этого государства, а другой части, предков коми – на север, на территории свободные от болгарского влияния (подробнее см. [Напольских 2006]). Именно в это время происходит распространение в Предуралье древнемансийского населения (археологически отражённое в постпетрогромских памятниках), предел которому по Каме был положен, по-видимому, организацией там болгарских городков-факторий типа Анюшкара, Рождественского, Иднакара и др. При этом прикамские пермяне (часть предков коми-пермяков) находились в границах болгарского военно-политического контроля и не слишком

тесно контактировали с манси. Позднее, уже в русскую эпоху, пермское население частично возвращается в верхнее Прикамье и продвигается дальше, в Сибирь, а контакты его с обскими уграми носят преимущественно односторонний характер: культурное влияние идёт с запада на восток. Такая схема объясняет обрисованную выше лингвистически фиксируемую картину взаимоотношения обскоугорских и пермских языков.

Рис. 2. Пермская и мансийская топонимия в Прикамье.

- 1 – примерный ареал субстратной пермской топонимии на *-ва*;
- 2 – общее направление миграции предков коми с поздней пермской прародины в IX-XI вв.;
- 3 – общее направление миграции предков удмуртов с поздней пермской прародины в IX-XI вв.
- 4 – западная граница субстратной мансийской топонимии и исторического расселения манси в XVI-XVII вв.

Как бы то ни было, общий вывод может быть только один: на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь заметной роли угрозночного (будь то праугры-манче, носители древних обскоугорских диалектов, правенгры или манси) населения в этнической истории Прикамья и среднего Предуралья (кроме указанных выше эпизодов). Этноисторические процессы конца железного века и средневековья на этих территориях определялись взаимодействием пермского, иранского, тюркского и – в позднейшую эпоху – русского языковых миров. Естественно, нельзя исключать участия и каких-то других групп, в том числе – и вовсе неизвестной языковой принадлежности, но «угорский фактор» едва ли мог когда-либо быть в числе первостепенных.

Сокращения

авест. – авестийский, венг. – венгерский, др.-инд. – древнеиндийский, иран. – иранский, к.-язьв. – коми-язьвинский, лат. – латинский, манс. – мансийский (В – восточный, Конда; З – западный, Пел. – Пелым; С – северный, Сев. Сосьва; Ю – южный, Тавда), нем. – немецкий, осет. – осетинский, ППерм. – прапермский, удм. – удмуртский, ф. – финский, хант. – хантыйский (В – восточный, Вас. – Васюган, Тром. – Тромьюган; С – северный, Каз. – Казым, Об. – Обдора; Ю – южный, Демьянка)

A ← B = A заимствовано из B; A < B = A происходит от B

Литература

Белых С. К. 1999. К вопросу о локализации прародины пермян // *Пермский мир в раннем средневековье*. Ижевск.

Калыгин В. П., Королёв А. А. 2006. Введение в кельтскую филологию. Изд. 2-е, доп. и испр. Москва.

Матвеев А. К. 1961. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // *Отчёты Камской (Воткинской) археологической экспедиции*. Вып. 2. Москва.

Матвеев А. К. 1968. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // *Труды Камской археологической экспедиции*. Вып. 4 / *Учёные записки Пермского университета*. Вып. 191. Пермь.

Матвеев А. К. 1982. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // *Ономастика Европейского Севера СССР*. Мурманск.

Напольских В. В. 1997. Из удмуртской мифологии: этимологические этюды // *Пермистика*. Вып. 4. Ред. Кельмаков В. К. и др. Ижевск.

Напольских В. В. 2001. “Угро-самодийцы” в Восточной Европе // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1 (5). Новосибирск.

Напольских В. В. 2002. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // *Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции*. Казань.

Напольских В. В. 2005. Йёгра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум*, №3. Санкт-Петербург.

Напольских В. В. 2006. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // *История татар с древнейших времён в семи томах. Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань.

Хелимский Е. А. 1982. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Москва.

DEWOS – Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin, 1956-1991.

Honti L. 1982. *Geschichte des obugrischen Vokalismus des ersten Silbe* / *Bibliotheca Uralica*. T. 6. Budapest.

Munkácsi B., Kálmán B. 1986. *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest.

Napol'skich W. W. 2002. “Ugro-Samoyeds” in Eastern Europe? // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Bd. 24/25. Hamburg.

Rédei K. 1964. *Obi-ugor jövevényszók a zürjén nyelvben* // *Nyelvtudományi közlemények*, 66. Budapest.

Rédei K. 1969. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica*. Budapest, 1969. Köt. 19: 3-4.

Rédei K. 1970. *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest.

Toivonen Y. 1956. *Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen* // *Finnisch-ugrische Forschungen*, 32. Helsinki.

Tovar A. 1975. Das Bronzetafel von Botorrita // Zeitschrift für celtische Philologie, 34.
Berlin – Tübingen.
UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1991.